

Ившин Леонид Михайлович

Ижевск

Материалы памятников удмуртской письменности¹ как источник для удмуртско-русского словаря

Изучение письменных памятников любого языка представляет собой один из наиболее важных видов лингвистической деятельности. Без знания прошлого, без подробного анализа начального этапа развития письменности трудно решать и проблемы современного литературного языка. С точки зрения лексикологии памятники письменности являются важным источником для выяснения путей и способов обогащения словарного состава языка, изучения пластов слов, перешедших в разряд устаревших и неизвестных современному литературному языку.

Исследованные источники XVII–XIX вв. содержат главным образом наиболее существенные слова, т. е. ту часть лексики, которая функционировала в указанный период. Они являются своеобразным кодом для «проникновения» в материальную и духовную культуру удмуртского народа, подчёркивают особенности общественной жизни, хозяйства, быта, характерные для народа в XVIII–XIX вв. В памятниках письменности удмуртского, а также любого другого языка, отражены названия предметов, орудий, действий, способов, разных приёмов, относящихся к основным видам хозяйства, явления природы и т. д., т. е. жизненно необходимые понятия, составляющие неотъемлемую часть мышления любого народа. Всего разнообразия удмуртской лексики эти источники, конечно же, отразить не смогли, потому что

1 Переработанный и значительно дополненный вариант доклада «Памятники удмуртской письменности как источник пополнения лексики удмуртского языка», прочитанного на международной научной конференции по уральским языкам, посвящённой 100-летию К. Е. Майтинской (Москва, 12–16 ноября 2007 года).

удмуртская лексикография в тот период времени находилась лишь в начальном этапе своего развития.

Слова, содержащиеся в памятниках письменности, можно классифицировать по следующим тематическим группам:

- 1) общественно-политические, административные названия: *кунъ* 'царь', *уаръ* 'слуга'; *тэре* 'судья' [Соч. 16, 17]; *вужкатъ* 'законъ' [Крот. 33];
- 2) военные термины: *кортпасъ* 'латы (доспехи)' [Тепл. 102]; *жугыскись* 'боець' [Соч. 16]; *ожманъ* 'баталия, бой, драка, разбойничество', *ожме* 'армия'; *тышкаськись* 'воинъ' [Крот. 155, 227];
- 3) названия, характеризующие домашнее хозяйство, жилище, постройки: *пунеть* 'плетень', *кошкы* 'коробица (коробка)', *туслу* 'порядок, убор в дому' [Тепл. 176, 256, 280]; *бордось* 'заборъ', *коргидъ* 'конюшня'; *кезано* 'перекладъ' [Соч. 30, 31];
- 4) лексика, обозначающая ремесленное занятие и земледелие: *кыръ* 'поле', *седьмуртъ* 'крестьянин', *лэдэть* 'лейка', *калатъ* 'моток пряжи' [Тепл. 97, 147, 176, 252]; *лызьдари* 'купорось', *букро* 'лебеда'; *кутесъ* 'цепь и молотило' [Соч. 21, 22]; *сюйизъ* 'кирпичъ' [Крот. 210];
- 5) названия одежды, продуктов, домашней утвари и посуды: *седсуръ* 'сивуха, вино', *кукли* 'пирог' [Тепл. 159, 257]; *тусъты* 'чаша', *терки* 'блюдо'; *сарба* 'буракъ'; *эрезъ* 'порты' [Соч. 31, 32, 33]; *леллянъ* 'сыръ', *цюпо* 'шапка' [Крот. 120, 252]; *сюмыкъ* 'чашка' [Мог. 143];
- 6) названия, связанные с материальной культурой удмуртов и их духовной жизнью: *пельяскись* 'чародтй', *туно* 'ворожея', *куиськонъ* 'станъ, коимъ ткуть' [Соч. 17, 33]; *сильвесъ* 'ожерелье, которое носят на шет' [Крот. 198];
- 7) названия частей тела и внутренних органов: *чурай* 'лицо' [Тепл. 83]; *пыдъ кетъ* 'голень', *урдъ* 'ребро' [Соч. 19]; *лытыдъ* 'берцо (точнее – бедренная кость – Л. И.)' [Крот. 126]; *тиньлы* 'челюсть', *урдеслы* 'ребра', *суйгыръ* 'локоть' [Мог. 138, 139, 141];
- 8) лексика, относящаяся к флоре: *намэръ* 'костяника', *песъ турунъ* 'перець', *нюло* 'илемъ' [Соч. 23, 24, 25]; *серьту* 'дикая калина' [Крот. 196]; *вьй-пу* 'маслина' [Мог. 151];

- 9) названия из фауны: *седбыжъ* 'горноста́й', *ргон-кый* 'скорпион', *седыйиръ* 'мартышка' [Тепл. 165, 271, 274]; *урткъыишъ* 'непопырь, мышь летучая', *арланъ* 'кротъ' [Соч. 27, 28]; *беренэсъ* 'сова' [Крот. 10];
- 10) гидронимическая лексика: *камъ* 'большая река' [Тепл. 39]; *ошмесъ* 'источникъ', *ты* 'озеро' [Соч. 35];
- 11) предметы и названия явлений природы: *толэзь* 'луна, мѣсяць'; *пери* 'вихоръ', *дзяръ* 'зоря', *джомытъ* 'сумерки' [Соч. 13, 14]; *инъ кели* 'громовая стрѣла' [Крот. 69];
- 12) названия действий и состояний: *ибъиштысько* 'подвигаю', *утиско* 'вижу, смотрю' [Тепл. 193, 282]; *алысько* 'укрощаю, смиряю, унимаю', *ораськысько* 'ругаю, браню', *дэимысько* 'разнемогаюсь', *ибъиртысько* 'жалуюсь, кланяюсь' [Соч. 98, 99, 100, 102];
- 13) названия качеств и свойств: *этемо* 'безумный, сумашедший, бешенный' [Тепл. 248]; *курдесъ* 'боязливый', *котырэсъ* 'круглый', *куимыръ* 'лицемѣрный', *пурукмемъ* 'стыдый' [Соч. 36, 37, 38, 39]; *пильдемъ* 'облачный, пасмурный', *пулысь* 'боязливый, пужливый' [Крот. 168, 180];
- 14) названия, обозначающие родственные отношения: *апай* 'большая сестра', *вынъ муртъ* 'племянникъ', *картъ* 'мужъ и супругъ', *кенъ* 'сноха' [Соч. 16]; *беце* 'ближний, свойственникъ', *нюня* 'родной, старшей братъ, дядя съ отцовской стороны' [Крот. 12, 150]; *айвынъ* 'родъ' [Мог. 141];
- 15) метеорологическая лексика: *издискемъ* 'верста' [Соч. 21]; *висъ* 'стопа (точнее – длиной в одну стопу – Л. И.)' [Крот. 26] и др.

Письменные памятники отразили богатый пласт локальной лексики. Словари и грамматики конца XVIII века содержат диалектные слова, обозначающие одно понятие, например: *уно* или *ятыръ* 'довольство, множество'; *цеберъ*, *испай* 'красота'; *тель* или *нюлэсъ* 'лѣсъ' [Соч. 16, 25]; *кема*, *далаикъ* 'долго' [Мог. 186], которые с большим успехом можно использовать при составлении синонимического словаря современного удмуртского языка. Включение диалектизмов в памятники удмуртской письменности также характерно для первой половины XIX века, когда на языки нерусских народов России, в том числе на удмуртский, переводилась клерикальная литература, издавались богослужебные

книги на удмуртском языке. В первых переводах источников христианского просвещения на удмуртский язык, например, в Евангелиях (особенно на сарапульском наречии), в скобках очень часто приводятся варианты слова из глазовского диалекта удмуртского языка с пометой *глаз.*, например: *быдтыны-но бурьчьсэ* (*глаз. тыронъ-зэ*) 'и возвратить долгъ', *дасъ-эти юкэть мято-лэсь* (*глаз. зымъ турумъ калямперъ-лэсь*) 'десятину съ мяты', *пазыла Соэ* (*глаз. золты сое*) 'распни Его' [Еванг. Сар. 153, 196, 236], что несомненно давало возможность более глубокого понимания текста носителями глазовского диалекта. Общей чертой памятников письменности удмуртского языка XVIII – XIX вв. (да и на других языках) является то, что все они составлены на основе какого-то определённого диалекта, но с широким привлечением лексического материала из других наречий удмуртского языка. Таким образом, обогащение лексики литературного языка шло за счёт народно-разговорной речи всех регионов проживания удмуртского населения.

В памятниках письменности представлена также разнообразная этнографическая лексика, отражающая различные стороны жизни удмуртского народа двухсотлетней давности: быт, обычаи, различные кушанья, одежду, инструменты и т. д.: *туслу* 'порядок, убор в дому', *кукли* 'пирог' [Тепл. 280, 257]; *кјтар* 'инструмент, которым мтряютъ углы', *муыльнянь* 'сырое ттсто изъ овсяной муки на меду', *търланы* 'о плетениі лаптей: плести другой слой' [Верещ. 126, 164, 230]. Безусловно, этнографические понятия, связанные с древней жизнью народа, представляют большой интерес не только для исследователей языка и истории удмуртов, но широкого круга читателей-неспециалистов.

При анализе памятников ранней удмуртской письменности выясняется, что многие зарегистрированные в XVIII – XIX вв. слова, в современном удмуртском языке вышли из употребления или встречаются в небольшом ареале. Например: *шормам силь*, *шорэм силь* 'ветчина' [Верещ. 258]; *пужо* 'пёстрый' [Крот. 178]; *кигирь* 'кулакъ', *пыдлі-огонь* 'стремя въ седлт и ступени въ лтсницт' [Мог. 142, 148]. Причины, обусловившие вытеснение отдельных слов из активного употребления, могут быть самыми различными. Одной из них является заимствование лексем с идентичной семантикой из контактирующих языков. Эти заимствования в течение некоторого времени употребля-

ются параллельно с исконными словами и со временем вытесняют из обихода собственно удмуртские лексемы, превращая их тем самым в архаизмы. Другой важной причиной перехода слов из активного фонда в пассивный является то, что предметы, вещи и явления, называемые ими, выходят из живого обихода – переходят в разряд историзмов. Эти историзмы могут обозначать особенности государственного строя и быта дореволюционного периода, старинную утварь, религиозные обряды языческих жрецов и другие исчезнувшие предметы и явления реальной действительности, например: *медь* 'плата', *ожме* 'армия', *цярлыкъ* 'орудие, инструментъ', *шукышо* 'вымышленный, вымышленно' [Крот. 134, 154, 254, 269]. Семантическое переосмысление некоторых из них (слов) применительно к современным условиям жизни, что значительно восполнит недостающий лексический фонд литературного языка.

В памятниках удмуртской письменности наряду с другими пластами лексики наличествуют слова, связанные с религиозными воззрениями удмуртского народа. Включение их в корпус ранних словарей удмуртского языка и тексты неслучайно: многие составлены именно с религиозной целью. Даже в первой печатной грамматике удмуртского языка первым словом выступает лексема *инмаръ* 'богъ' [Соч. 13]. Слова из области религии дают представление о верованиях удмуртов, о существовании по их представлениям в природе злых и добрых сил, о былых религиозных праздниках, обычаях и т. д., например: *куясконъ* 'жертва по отяцкому суевтрію, пометаемая въ поля или в лтсь по обману придымшика' [Мог. 146], *гурто* 'домовой' [Тепл. 249], *сиземъ нянь* 'жертвенный хлтбъ' [Крот. 1995: 197], *матра* 'языческое божество древнихъ вотяковъ' [Верещ. 159] и др.

Велико значение лексических данных памятников удмуртской письменности для составителей удмуртско-русского словаря, над подготовкой переиздания которого в настоящее время работают языковеды Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Хочется надеяться, что отдельные лексемы памятников двухвековой давности, по разным причинам не попавшие в нормативные словари удмуртского языка, не постигнет судьба «окончательного исчезновения». Устаревшие, местные (диалектные), простонародные (разговорные) и введенные в современный язык писателями слова

должны быть одинаково важными для составителей словаря и подлежат включению в лексикографические издания подобного рода, снабжаясь соответствующими пометами, например «устаревшее», «историзм» или «неологизм».

Конечно же, утверждать, что все слова пассивного запаса удмуртского языка могут возродиться и перейти в разряд активной лексики, нельзя. Для того, чтобы они (слова) стали общеупотребительными, хоть в какой-то степени известными всему народу, необходимо их чаще использовать в печати, теле- и радиовещании и, в особенности, при преподавании в школе.

Источники

Верещ. – Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и автор предисл., комментарий Л. М. Ившин. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 288 с. – (Памятники культуры).

Еванг. Сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Матѣя на рускомъ и вотякскомъ язкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847. 234 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. А. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). 441 с.].

Мог. – Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой, Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Крот. – Краткой вотской словарь съ россіскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Тро-

ицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года. – 285 с. [В кн.: З. Кротов. Удмуртско–русский словарь / РАН. УрО. Удмуртский ИИЯЛ (= Памятники культуры Удмуртии. Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии 1). Ижевск, 1995].

Соч. – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975].

Тепл. – Памятники удмуртской письменности XVIII века. I / АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1965. Вып. I. 324 с.